



Смуглый худощавый мужчина неопределенного возраста с узкими немигающими глазами шел по кривой торговой улочке шумного южного города. Вокруг него текла непрерывная толпа туристов, а из окружающих лавчонок доносились зазывные голоса продавцов, предлагавших ковры и духи, восточные лакомства и сувениры.

Вдруг сильная рука схватила мужчину за плечо и втащила в открытые двери сувенирной лавки. Он попытался вырваться, хотел позвать на помощь, но к его губам поднесли платок, смоченный остро пахнущей жидкостью. В глазах потемнело, и мужчина потерял сознание.

Пришел он в себя довольно скоро. Впрочем, может быть, времени прошло и много — он не мог об этом судить.

Он находился в глубоком кресле перед длинным столом в большой полутемной комнате, по обе стороны от которого сидели люди, очень странные люди. Все они были облачены в яркие восточные одежды, а их лица скрывали маски: зверей и птиц, фантастических сказочных чудовищ — маски древних богов.

— Где я? — проговорил мужчина хриплым, чужим голосом. — Кто вы? Что вам от меня нужно?

Ему ответил человек в маске хищной птицы:

— Ты среди друзей. Точнее, среди соотечественников, соплеменников. Мы, как и ты, принадлежим

к великому древнему народу. Когда-то наш народ обладал славой и могуществом, но боги отвернулись от нас, и сегодня о нас мало кто знает. Мы — члены верховного храмового совета, служители древних богов. Сегодня звезды расположились благоприятным образом, судьба благосклонна к нам. Мы можем вернуть нашему народу его былую утраченную славу...

Он замолчал, но тут же заговорил другой человек — в маске шакала:

— Ты избран. Звезды указали на тебя. Ты должен найти нашу древнюю священную реликвию. И если тебе это удастся — ты станешь одним из нас, одним из членов совета, одним из вершителей судеб всего человечества. Для этого тебе придется немало потрудиться, возможно, нарушить человеческие законы, но цель оправдывает средства. Запоминай все, что мы тебе скажем...

Смуглый мужчина с узкими холодными глазами снова оказался посреди шумной улицы. Толпа туристов обтекала его, кто-то недовольно ворчал то ли по-шведски, то ли по-норвежски. Он пытался понять, что с ним только что произошло. Было ли это на самом деле, или от жары и усталости случился короткий обморок? В последнее время у него часто случались такие обмороки. Иногда они сопровождались галлюцинациями. Но никогда эти галлюцинации не были такими яркими, такими достоверными и правдоподобными.

Он слишком отчетливо помнил темную комнату и людей в масках древних богов. Помнил их слова и какое важное дело они доверили ему.

И он понял, что выполнит порученное ему. Выполнит, чего бы это ни стоило...

Марина вышла из маршрутки и плюхнула чемодан прямо в лужу. Господи, скорей бы домой — принять душ, отдохнуть хоть немного. Она представила, как сидит с чашкой кофе в гостиной перед открытым балконом и теплый ветерок слегка колышет легкие шелковые занавески.

Утром в городе шел дождь — частое явление, хоть и лето на дворе. И сейчас над асфальтом вился легкий прозрачный парок, сквозь облака просвечивало неяркое солнце, и опасные темно-фиолетовые тучи спешно уходили далеко, на запад.

Поездка была ужасной. И зачем только она согласилась ехать в купе маминого соседа Валерки? Когда он узнал, что Марина едет дневным, расшумелся: «Зачем тебе столько времени тратить, да столько денег за билет платить? Поедешь у меня в купе, всего одну ночь поспишь, как королева». И мама его поддержала — нехорошо, мол, человека обижать, он к нам со всей душой. Опять же, в дороге не одна будешь.

Марина и согласилась. Ну, конечно, Валерка парень свой и приставать к ней ночью и не собирался. Но ходок он был еще тот и, как выяснилось, водил шашни с разбитной проводницей из соседнего вагона. Очень, сказал, удобно, далеко ходить не надо, и при этом нагло хохотнул. Марине стало ужас как стыдно, потому что она хорошо знала Валеркину жену — тихую безвредную Катю. Теперь придется за собой следить, чтобы не проболтаться.

Валерка устроил ее в купе и ушел до утра, а ей велел сидеть тихо и не отзываться на стук. Верно знал, что пассажиры будут скандалить. И правда, сначала в вагоне шумела пьяная компания, и сова-

лись они в купе то за стаканами, то за полотенцами, а после, когда те уже окончательно распоясались, стали стучаться и остальные пассажиры. Так что ночка у Марины выдалась беспокойная. А утром явился Валерка, как сытый кот, еще и денег с нее взял не так чтобы мало за такую, с позволения сказать, поездочку.

Так что сейчас она мечтала только о покое. Хорошо, что впереди длинный, свободный день. Антон ее ждет только к вечеру, так что она и звонить ему не будет.

Марина вытащила чемодан из лужи, при этом забрызгав новые кроссовки, но не обратила внимания на такой пустяк.

Можно было бы пройти между домами — так будет быстрее, однако там что-то копали, и теперь, после дождя, земля превратилась в грязное месиво... Марина вытянула шею и тут же непроизвольно метнулась за угол: на улице резвился пекинес Зои Петровны по кличке Дюша — их с Тимкой кошмар.

Дюша терпеть не мог детей, причем всех, от младенцев грудного возраста до четырнадцатилетних оболтусов, что тусуются во дворе. Не имело значения, пытался ли ребенок его погладить или просто проходил мимо. Дюша кидался на детские коляски, самокаты и велосипеды, сбивал с ног девчушек на роликах, прыгал с лаем на мамочек, которые хватали своих детей на руки. Надо сказать, что обычно дело кончалось перепачканной одеждой и порванными колготками: по причине малых размеров Дюша не мог нанести взрослым большой урон, но детей мог напугать.

Дом у них был относительно новый, люди поселились в нем приличные, поэтому никто мерзкую

собачонку не прибил, все жаловались исключительно словесно. Зоя же Петровна, обычно вполне вменяемая тетка, становясь на защиту своей собаки, совершенно теряла человеческий облик.

У Марины с ней тоже случился конфликт, когда Дюшка с лаем выскочил из-за угла и Тимка от неожиданности упал с самоката. Разодрал ногу до крови, испачкал новые джинсы. Марина не любила ругаться, но тогда они с Зоей крупно поговорили.

Все же многочисленные жалобы подействовали, и теперь Зоя Петровна выгуливала свое мохнатое чудовище в стороне от дорожки и детской площадки. И все равно встречаться с ней не хотелось.

Марина обошла дом с другой стороны и вышла прямо к своему подъезду. У лифта ей никто не встретился.

Она долго копалась, доставая ключи, потом открыла дверь и вкатила чемодан. Прихожая у них была маленькая — помещались только вешалка да стойка для обуви. На этом Марина настояла, когда ремонт делали: чтобы, как войдешь, сразу снять все уличное и в квартиру идти уже в чистых тапочках. Тимка тогда был маленький совсем, по полу ползал, все в рот тянул. И дверь из прихожей закрывалась плотно, чтобы он туда и не совался.

Марина перевела дух — наконец-то она дома, скинула легкую куртку, расшнуровала кроссовки и босиком шагнула в маленький коридор перед кухней.

На кухне было грязновато, в раковине кисла грязная посуда, причем не вчерашняя, как машинально отметила Марина. Ну да, ее не было три дня, вот как раз... Она подавила привычное удивление — неужели ему лень даже посудомойку заправить,

но радость от возвращения домой все перевесила. С этим она разберется потом.

Между кухней и гостиной двери не было, только полукруглая арка, поэтому, войдя на кухню, Марина услышала странные звуки: кто-то ахал, охал и визжал. Еще был какой-то ритмичный скрип и стук. Сердце мгновенно остановилось, а потом покатилося вниз. Что это? Кто здесь, в пустой квартире? Воры? Их грабят?

Но тут визг перешел в крик, которому вторил мужской голос. Голос ее мужа Антона. Все ясно. Неясно только, отчего такой стук и грохот.

Здравомыслящая часть натуры приказывала Марине немедленно уйти из квартиры, причем как можно тише, чтобы ее не заметили: ну нет ее здесь, не вернулась еще от мамы, поезд прибудет только к вечеру. И все забыть — не была, не слышала, не видела.

Но кто в такой ситуации слушается здравого смысла? Кляня себя, Марина сделала несколько шагов в сторону арки и увидела голого Антона: его мускулистую спину, покрытую потом, и все, что ниже. Вот как. Стало быть, в семейную постель свою девку постеснялся привести. Устроились в гостиной на диване.

Она спохватилась, что эти двое могут ее увидеть, но куда там! Они были так увлечены процессом! Лица его партнерши не было видно, и Марина снова приказала себе немедленно уйти, чтобы не допустить скандала. Однако ноги сами шагнули в ту сторону, откуда в зеркальной дверце шкафа можно было увидеть все, что происходит на диване. И в частности лицо этой девки.

А когда она увидела это лицо — запрокинутое, искаженное, с закушенной губой, но все же невероятно знакомое, — Марине показалось, что пол уходит у нее из-под ног, как на корабле при сильной качке. Кроме того, было ощущение, что ее с размаху ударили под дых, хотя ее никогда не били. Дыхание перехватило, и Марина шлепнулась бы на пол, если бы не оперлась о стену.

Комната перестала кружиться перед глазами, и шум в ушах пропал, потому что Марина неосознанно заблокировала все чувства. Теперь в голове стучала только одна мысль: бежать! Бежать отсюда как можно быстрее и незаметнее.

Она сделала несколько шагов назад и даже порадовалась, что босиком: эти двое ничего не услышат. И дверь в прихожую сумела прикрыть за собой неслышно.

На миг сознание покинуло ее, и она очнулась, сидя на полу. Нет, нужно взять себя в руки, она подумает обо всем этом потом, в безопасном месте. Только вот где оно, это безопасное место?

Торопясь, натянула носки и кроссовки, сдернула с вешалки куртку. Взяла чемодан в руки, чтобы колеса не стучали по плитке. Так, вроде бы в прихожей все как было. Хотя они ничего не заметят: муж — потому что мужчина, они вообще мелочей не замечают, а эта... эта слишком самоуверенна, ей наплевать на всех людей ниже ее.

Марина не стала ждать лифта, а спустилась по лестнице, не замечая тяжести чемодана. Внизу в подъезде имелась небольшая кладовка, где держали коляски, детские велосипеды, а также ящик с всевозможными песочными принадлежностями, чтобы не таскать грязь в квартиры.



Открыла дверцу своим ключом, отодвинула пластмассовый грузовик и сломанный самокат, протиснулась мимо детских колясок и запихнула свой чемодан за клетку соседней Барабановых. Клетка — шикарная, двухэтажная, с разными прибабками — была куплена для попугая, но он прошлой осенью улетел на улицу, и безутешные хозяева пристроили клетку сюда. Дескать, смотреть на нее — сердце разрывается, а вещь дорогая, выбросить жалко.

Во дворе ей никто не встретился, и Марина усмехнулась: повезло, хотя врагу лютому не пожелаешь такого везения! Села в первую попавшуюся маршрутку — все равно куда, лишь бы подальше отсюда, и через некоторое время оказалась в незнакомом месте. Она проехала еще немного и вышла возле парка. Погода была хорошая, в парке гуляли молодые мамы с детками — их было не очень много, так как все на лето потихоньку разъезжались из города.

Марина села на пустую скамейку и закрыла лицо руками. Вот, оказывается, как все обстоит. Как в плохом анекдоте — приезжает жена не вовремя и застаёт мужа с любовницей. Все бы ладно, в конце концов, со всяким может случиться. Хотя... они были женаты семь лет, и ни разу Антон не давал ей повода сомневаться...

Вранье, тут же поняла Марина, все это вранье, просто она ему доверяла. Ну не ревнивая она женщина, спокойная в этом плане. Не принималась к мужу, вернувшемуся поздно, не обшаривала его карманы, не рылась в телефонных сообщениях. Успокаивала себя мыслью, что вся его жизнь на виду.

У него были друзья. Старые, школьные друзья. «А у кого их нет? — говорят люди. — Все мы в школе учились». Так да не так. Обычно бывшие одноклассники встречаются сначала часто — каждый год, потом через пять лет, потом через десять. Соберутся в ресторане, выпьют, похвалятся своими успехами и достижениями — и разойдутся, чтобы забыть друг друга до следующего раза.

Компания ее мужа была особенной — они дружили всегда: трое мальчишек и две девчонки. Как пришли в пятый класс в новую школу, так и образовали свой круг, в который никого не пускали, исключая, конечно, жен и мужей. «Ну, — притворно вздыхал Антон, — от вас-то куда денешься?»

С окончания школы прошло без малого двадцать лет. Ну да, им сейчас по тридцать пять, как раз недавно отмечали день рождения Рябоконеи. И всегда эти пятеро были вместе. «Ты это не тронь, — говорил Антон, — это у нас навсегда, я с ними познакомился, когда тебя еще и знать не знал. И вообще, жен много, а друзей мало». Ну, шутил он так.

Точнее, Марина думала, что шутит. До сегодняшнего дня.

Кроме Антона в компании были Костя Рябоконь и Женька Плавунец, которому, разумеется, сразу же дали кличку Жук. Жук Плавунец — очень подходит. Костик, по словам Антона, как сел в пятом классе за одну парту с Верочкой, так и просидел до окончания школы. А через год они поженились, едва восемнадцати лет дождались. С тех пор вместе. И даже кличка у них была одна на двоих: Веру зовут Ряба, а его — Конь. Это Жук такой остроумец, а Камилла ему подпевала. Впрочем, нет. Она никому никогда не подпевала, это у нее все по струнке ходило.

Вот и к делу подошли. Дошли до Камиллы.

Имя по тем временам было редкое. В школе она всем говорила, что бабушка у нее родом из Франции, вот и назвала внучку по-своему. Врала, конечно, но эти дурачки до сих пор верят, хоть и зовут между собой Милкой.

«Милка особенная, — говорил Антон, когда они ехали с каких-то общих посиделок, — она, знаешь, от всех вас, женщин, отличается. У нее аура».

Марина не стала спрашивать, что он имеет в виду, не хотелось Камиллу обсуждать, а муж все не мог остановиться: «Камилла в нашей компании просто бриллиант. Она удачу и счастье привлекает, как магнит. Далеко пойдет, большим человеком станет рано или поздно». Тогда Марина не выдержала и сказала, что лучше, мол, попозже. Антон здорово на нее разозлился, обиделся всерьез. «Ты, — сказал, — этого не тронь, я с ней знаком в три раза дольше, чем с тобой. А дружба — это надолго».

И она, дура, поверила про дружбу-то. Ясно теперь, какая у них дружба — на диване в ее гостиной. И устраивают они это не в первый раз. Уж больно по-хозяйски эта дрянь там разлеглась.

Перед глазами снова предстала ужасная сцена, и Марина застонала в голос. Хорошо, что рядом никого не было.

Она отняла руки от лица и попыталась успокоиться. Хотелось упасть на дорожку и кататься по ней с воем. Или биться головой о скамейку. Или вон об то дерево.

Что делают люди в таких случаях? Рыдают, рвут на себе волосы, бьют посуду? Наверное, хорошо бы покурить, но Марина не курила. И не пила ничего

крепче вина, да и то редко. Такая вся из себя положительная, верная жена и хорошая мать, хозяйка опять же замечательная. Поэтому муж и умирал с ней от скуки и завел себе отличную любовницу. У которой аура. И что там еще... Она умна, красива и во время секса орет, как мартовская кошка. Вот поэтому он с ней и...

«Не может быть, — заговорил здоровый внутренний голос, — ты заметила бы, когда их роман только начинался. Такие вещи женщина замечает раньше мужчины: когда он влюблен, то меняется».

«А ничего и не было», — тут же возразила она самой себе. Не было никаких особенных перемен, потому что с этой Камиллой был давно знаком. И спали они наверняка тоже давно, еще когда он Марину и не встретил. С тех пор и продолжали это делать — старые друзья, с позволения сказать.

И дальше будут продолжать в том же духе. Всем хорошо, все довольны, жена-дура ничего не узнает. А если и узнает, что может сделать? «Ты это не тронь, — скажет муж, — я с ней знаком в три раза дольше, чем с тобой...»

Вот что он в ней нашел, хотелось бы знать? Ну, интересная, конечно, эффектная, успешная, как теперь говорят. Хотя какой уж там особенный успех? Работает на заштатном канале, ведет пару передач. Или у мужиков от баб в телевизоре совсем крышу сносит? Все на нее только в телевизоре любуются, а он с ней спит... Тьфу, гадость какая!

«Это ты из зависти, — тут же услышала Марина внутренний голос, — что Камилла — хозяйка жизни, все у нее есть, все мужчины у ее ног, любого она может заполучить, и работа у нее, и внешность, энергия через край бьет, всего она добива-